

было подниматься на перевалъ, но еще тяжелѣе былъ его крутой обледенѣлый спускъ, обильный острыми камнями, залегавшими по скату. При подъемѣ на перевалъ, на днѣ узкаго ущелья, мы видѣли лежавшую большую глыбу, недавно свалившуюся съ утеса, круто ниспадавшаго фатовъ около тысячи относительной высоты. Огромнѣйшей, величиною въ палатку, отторженецъ еще носилъ слѣды свѣжихъ изломовъ при паденіи, равно зіяла и та свѣтло-сѣрая рана утеса, откуда оторвался этотъ гигантъ, глубоко избороздившій песчано-глинистую почву ложа ущелья. По словамъ туземцевъ очевидцевъ, нѣчто ужасное происходитъ въ томъ мѣстѣ горъ, гдѣ рушится скала и падаютъ ея обломки.

Спустившись по ущелью Сэн-чю въ зону густого лѣса, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, вышли изъ области снѣга и на террасовидныхъ лужайкахъ, въ сосѣдствѣ одинокой тибетской палатки, съ радостью разбили бивуакъ на нѣсколько дней. И люди, и животныя были сильно утомлены послѣднимъ переваломъ; видъ на находившуюся отъ него къ востоку сосѣднюю гору, вверхъ по ущелью, изображенъ на приложенной таблицѣ; къ западу же поднимается скалистая гора Таву-голэ, бывшая въ это время запорошенной снѣгомъ (см. фототипію къ страницѣ 480).

Почти три дня мы прожили въ сосѣдствѣ кочевника-тибетца, занимаясь экскурсіями на птицъ и звѣрей. Среди послѣднихъ, по словамъ туземцевъ, здѣсь встрѣчаются: джара, олени, куку-яманы, кабарга и нѣсколько видовъ хищниковъ; провѣрить этихъ показаній намъ лично не удалось, такъ какъ охота за звѣрями не увѣнчалась успѣхомъ. Другое дѣло по отношенію къ птицамъ; этотъ отдѣлъ пополнился полутора-десятками интересныхъ осѣдлыхъ представителей, хотя почти тѣхъ же самыхъ, которые были отмѣчены и для Бар-чю или Лун-ток-ндо. Вновь прибавилась одна лишь альпійская синица-гаичка (*Roecile superciliosa*), но зато мы тутъ уже не встрѣтили ни кривоноски, ни бурой кустарницы, ни поползня Пржевальскаго; равно не нашли красиваго вьюрка (*Caprodacus trifasciatus*), сѣрую синицу (*Fulvetta striaticollis*), горную завирушку (*Accentor immaculatus*) и нѣкоторыхъ другихъ. Нашъ сосѣдъ тибетецъ изрѣдка пострѣливалъ бѣлыхъ ушастыхъ фазановъ; это былъ единственный случай, чтобы тибетцы стрѣляли птицъ съ цѣлью употребленія ихъ въ пищу.

Тѣмъ временемъ Бадмажаповъ и Дадай успѣли съѣздить на Голубую рѣку, къ мѣсту переправы и переговорить съ нирвой монастыря Чункоръ-гомба, состоящаго въ вѣдѣніи Чамдо, о движеніи